

УЛЬЯ НОВА

ВРАЧЕБНЫЕ ТАЙНЫ

Часть сборника: Аккордеоновые крылья (сборник)

Улья Нова

Врачебные тайны

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нова У.

Врачебные тайны / У. Нова — «Эксмо», 2017

«...В то утро, перед обходом, независимо друг от друга пять рук, принадлежащих трем врачам, ординатору и медсестре, как бы нечаянно дергали алюминиевую ручку ящика Вадима Самойловича. И обнаружили там лишь потрепанную историю болезни, которую кое-кто успел наискось прочитать, но все равно ничего толком не понял...»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Улья Нова

Врачебные тайны

На утренней пятиминутке, как всегда, оживленно. Все, кто не успел притащить стул, теперь жались у стен ординаторской, кое-как умещались в дверном проеме, на одной ноге, втиснув окутанное белым халатом тело между сонными телами других. Озирались, кивали, заученно улыбались сослуживцам. Принюхивались к запахам мела, накрахмаленных манжет и эфира – не витает ли здесь знакомый веселый дух, чтобы потом посплетничать о коллегах, которые ни свет ни заря, а уже. На всякий случай подмечали, у кого руки подрагивают или уже начинают трястись. А профессор-эндокринолог умышленно запрятал свои холеные руки в карманы халата и нетерпеливо перебирает там что-то пальцами, уж не пропавший ли на днях ключ от сестринской.

Сестринская – храм белизны, хлорки и йода, там хранится тетрадь расхода медикаментов в потрепанной картонной обложке. Там хранится книга стерилизации хирургических инструментов, с маленькими коричневыми корочками, которые – указатели стерильности и, если одну из них потерять, «санэпиднадзор» может учинить расследование и расправу. Но на деле эта тетрадь скоро закончится, сгинет в неизвестном направлении, ее место займет точно такая же, новая, и никто никогда не дознается о каких-либо нечаянных нарушениях. В сейфе, выкрашенном бежевой краской, ключ от которого всегда хранится у старшей сестры, запрятана бутылка из толстого стекла цвета морской волны. В бутылке таится врачебная тайна, прозрачная, игривая, с фрактальной радугой на поверхности. В уголке сейфа даже специальная мензурка припасена – быстро, по-хозяйски развести, разлить по чайным кружкам и пригубить за неразглашение сведений о неожиданном и необъяснимом улучшении или в память о том, кого на днях выписали на вечный срок.

Отражения врачебной тайны, груз ответственности за ее десятилитровую тяжесть угадывались в печальных глазах заведующего отделением, в его сиплом покашливании, в неуловимом ступоре всей его фигуры. Медленно и даже, пожалуй, заторможенно пробирается он на место ведущего пятиминутки. Сдавленно, почти траурно молчит, ожидая начала, ровно в девять.

Было без трех минут. Из фиолетового коридора, где клубился промозглый холодноватый полумрак, в ординаторскую сбегались, чтобы не вызвать опозданием гнева. Кротко просили подвинуться, шикали на неосторожно пихнувших бывалые врачихи, испробовавшие врачебной тайны и даже слегка придавленные ее грузом. Врачихи эти, почти все, с ординаторских лет урывками познавали экзотику суровых больничных романов. Строгая, горькая больничная любовь намечалась в пропитанных эфиром и марганцем коридорах, пугливо жалась по углам прокуренных лестничных клеток с трагически затаившимся на стене телефоном. И наскоро разрешалась в сестринской, в ординаторской, в кабинете профессора, в кладовой, а то и вовсе с риском для жизни вершилась среди раскаленных автоклавов стерилизационной.

Цену времени здесь знали, считать его умели как нигде. Догадывались, что минут на десять можно ускользнуть во время обхода и уединиться в перевязочной. В дежурство, когда стрелка колыхнулась за полночь, можно ненадолго затащить обожаемого в пустую столовую. Если нет напарницы, в сестринской уместнее запереться под утро, часика на два. А ближе к вечеру, когда почти все разбежались по домам, минут на пятнадцать-двадцать укроет ординаторская.

Скоротечная любовь этих ныне остепенившихся дамочек с бежевой помадой и прилично взбитой волной волос была немного мрачной и пространно-физиологичной, с мгновенными переключениями от поцелуев к иглам, капельницам и клизмам. Решительно и мол-

ниеносно возвращались врачи из любви, как бывало заскакивают, оправляя на ходу юбки, в отбывающий скорый поезд. Быстро вытесняли остатки чувства и стыд от косых взглядов, от приглушенного шепотка. С годами обретали гранитное спокойствие, мраморную невозмутимость. Впрочем, одновременно с этим все женское в них отступало, будто происходил окончательный обряд посвящения в профессию. С этих пор они становились просто врачами. Лишь изредка, во время коллективного празднования успешной многочасовой операции какую-нибудь из них игриво пихали локтем вбок, многозначительно приподнимали бровь, жмурясь от удовольствия – все же приятно иногда поддеть прошлым доктором медицинских наук, врача высшей категории.

Но никто не разглашал совместных тайн, жили настороженной суровой семьей и знали друг о друге практически все. Лечили друг другу гипертонию, гепатиты, герпесы, разные негласные хвори. С профессиональной точностью прикидывали, кто сколько протянет. Впрочем, можно было отыскать в отделении и нескольких темных лошадок, прошлое и будущее которых расплывчато. Таких всегда интересно было наблюдать и выведывать, что они там такое хранят, ни под каким предлогом не выбалтывая, всеми силами старательно недоговаривая о себе.

Ординаторская шуршала и гудела перед началом пятиминутки. Многие гадали, как может Вадим Самойлович, куратор палаты номер 12/а, систематически опаздывать и безнаказанно пропускать собрания, как он может уходить раньше всех и почти в лицо подшучивать над заведующим. Кто ему дал право являться на работу в курортных сандалиях на деревянной подошве, завязывать волосы в хвост и, прислонившись к окну, бессовестно любоваться на свой синий «Фольксваген» 56-го года, припаркованный во дворе больницы. И, что самое удивительное, в доверчивом, даже слегка простодушном взгляде его пепельных глаз не содержалось ни намек на врачебную тайну. Будто он объявившийся здесь из чистого любопытства актер или чудаковатый миллионер-иностранец.

В тот день пятиминутка должна была вот-вот начаться, а Вадима Самойловича, как всегда, не было ни на стульях вокруг президиума, ни на корточках в проходе, ни у окна, ни в дверях. Впрочем, дверной проем наглухо перегородил ординатор в мятом голубом халате и вызывающе несвежем колпаке.

Настойчиво застучала перьевая ручка профессора по столу. Шепоток затих, отголоски смолкли, пятиминутка началась как обычно, с разбора сложных и спорных случаев, врачебных ошибок и недосмотров. Первые же замечания операционной сестры помогли стряхнуть остатки сна и домашней безмятежности. Всем в тысячный раз напомнили: на койках, в ворохе взмокших мягких одеял, охают вовсе не экспонаты музея, не антикварная рухлядь и не забытый миром хлам. Это живые человеческие организмы, иначе говоря, люди. Которые, между прочим, нуждаются в помощи, в сострадании. А не только в капельницах и лекарствах. Впрочем, это было обычное, фоновое вступление перед разбором случившегося на неделе.

Ведь их так много, этих неисправных и поломанных людей, что трудно удержать всех в порядке, обязательно кого-нибудь да упустишь из виду. На днях упустили пациента из пятой палаты. Довезли до операционной, оставили там в коридоре и напрочь забыли о его существовании. Два часа этот дед внимательно наблюдал за алюминиевыми дверями операционной, два часа он ждал, что двери вот-вот распахнутся и быстрые санитары повезут его под большую лампу, на стол, резать. От этого дед трепетал, но санитары все не появлялись, не появлялись и еще не появлялись почти два часа. Он такой старый, этот дед, что и вспоминать ему перед операцией, которая могла оказаться последней, было некого. Все его родные и друзья к этому времени потерялись и померли. Не о ком было думать, ну, кроме соседа по лестничной площадке, на попечение которого осталась его старушка-лиса, собачка

неопределенной породы. Еще дед гордился тем, как долго обманывал хворь, ни на что не жаловался, не сдавался врачам, все ходил, разгоняя боль по переулкам Садового кольца. Не сдавался, терпел, и правильно делал. Возле операционной секунды продирались сквозь него ранящими железными перьями, прохладной растопыренной чешуей. Дед ждал, успев изучить до царапин створки заветных дверей, стены синего коридора и угол площадки с лифтами, откуда не доносилось ни звука, ни шороха. Дед ждал, от этого становился похож на маленькую мокрую птичку. Чувствовал внутри насос, который настырно откачивает воздух из его внутренностей. Врачи не спешили, от этого в затылке у деда тикали карманные часики: тик-тик, тик-тик. Дед напряженно ждал, но его хворь никого не ждала, саднящая, ноющая, она упорно завоевывала слабеющее стариновское тело, секунда за секундой разливалась и крепла внутри. Пока старик прислушивался к малейшему шелесту сквозняка, хворь торопливо разрасталась. Ни о чем подобном притихшие слушатели в ординаторской не догадывались. Некоторые вздохнули, когда заведующий сообщил, что старик после операции перенес обширный инфаркт. Операционная сестра оправдывалась, кто-то из ординаторов принялся ее успокаивать: до восьмидесяти дожил и хорошо, надо всеми силами молодых спасать. Присутствующие безучастно слушали замечания профессора. Кое-кто для порядка покачал головой. Потом перешли к следующему случаю.

Главврач возмущался в своей обычной монотонной манере: неспешно, степенно, с усталостью и ломотой в пояснице. Удовлетворительно провели операцию девочке тринадцати лет, из восьмой палаты. Вывели из наркоза, положили под капельницу, сутки наблюдали положительную динамику. Потом пришлось в экстренном порядке выпроваживать пациентку в коридор, ведь для празднования юбилея профессора-реаниматолога требуется достойное место, не какая-нибудь тесная ординаторская или комната персонала. Пациентка вполне стабильно чувствовала себя в рекреации, смотрела телевизор, перебирала трубочки капельницы и поправляла съезжающую на живот повязку. Серьезных осложнений на этот раз удалось избежать. Но давайте договоримся, чтобы такое было у нас с вами в последний раз. Лица присутствующих на пятиминутке были спокойны, внимательные глаза выискивали подвох, тайный замаскированный симптом в насуспенной фигуре главврача, в застывших фигурах коллег. Кто виновато крутит пуговицу, кто нетерпеливо пощелкивает ручкой, кто внимательно изучает порезы линолеума, кто мечтательно вглядывается в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.